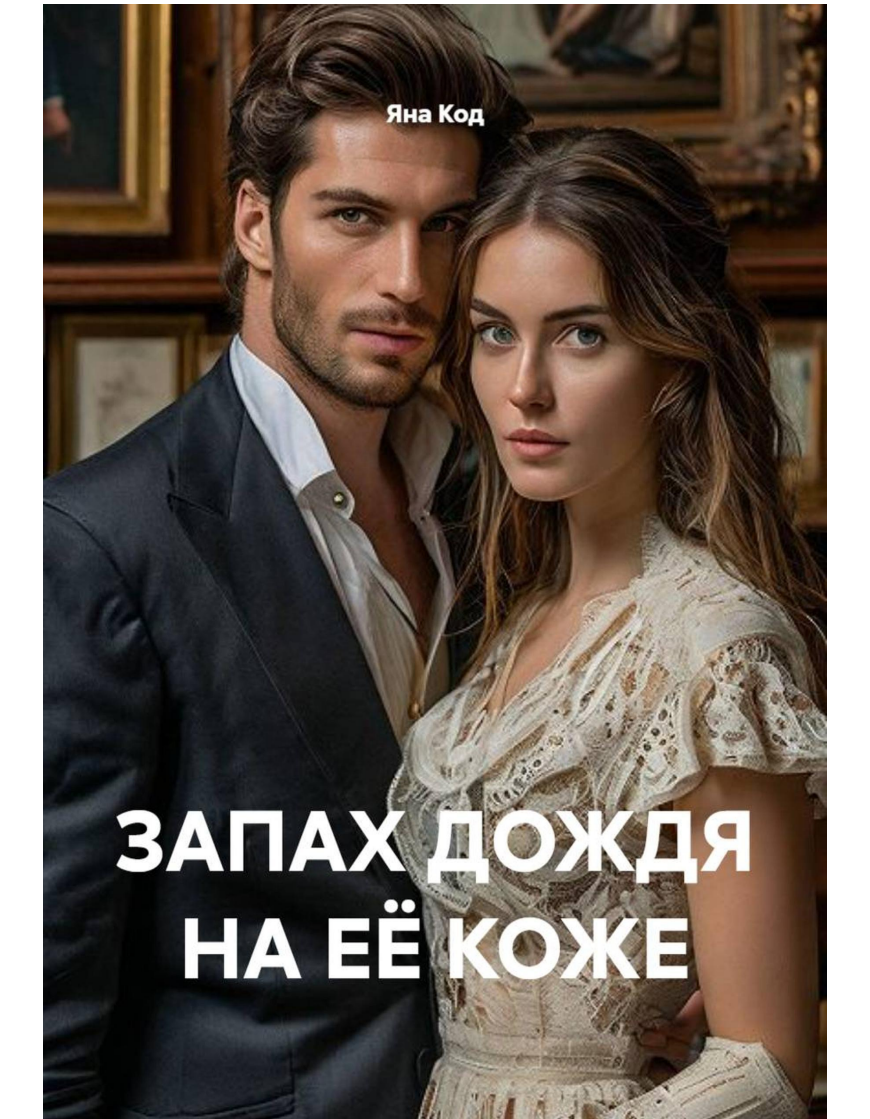

A romantic couple is featured in a classic, ornate interior. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, lace-trimmed dress. They are both looking directly at the camera with soft expressions. The background shows a wall with several framed paintings and decorative elements.

Яна Код

**ЗАПАХ ДОЖДЯ
НА ЕЁ КОЖЕ**

Яна Код

ЗАПАХ ДОЖДЯ НА ЕЁ КОЖЕ

<https://litres.ru/74347424>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Алисы Соболевой есть всё: идеальный муж, успешная карьера реставратора и жизнь, о которой можно только мечтать. Но однажды утром всё рушится. Она находит в кабинете мужа билет в Милан, письма с угрозами и фотографию мужчины, который выглядит как её зеркальное отражение.

Алиса узнаёт, что её мать жива, а брат-двойняшка, которого она никогда не видела, погиб при загадочных обстоятельствах. Её муж, Максим Соболев, оказался не тем, за кого себя выдаёт. Он женился на ней из-за наследства, шантажировал её мать и убил её брата. Алиса оказывается между двух огней: между ложью мужа и расследованием частного детектива Льва, который тоже скрывает правду.

Проходя через боль, измену, потерю и предательство, Алиса находит в себе силы простить, отпустить прошлое и начать новую жизнь — с чистого листа. Но сможет ли она снова довериться и полюбить, когда внутри неё всё ещё живёт страх?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Яна Код

ЗАПАХ ДОЖДЯ

НА ЕЁ КОЖЕ

Глава

Часть I. Идеальный штиль

Глава 1. Две чашки кофе

Идеальное утро в идеальной квартире. Алиса замечает первую трещину — странный конверт без обратного адреса, который получает Максим. Внутри фотография женщины, похожей на неё, с незнакомым мужчиной.

Глава 2. Мост в никуда

Максим показывает Алисе чертежи «Арки желаний» — моста, который он строит для неё. Он говорит о вечности. Она верит ему, но внутри зарождается сомнение.

Глава 3. Холст, который молчит

Алиса начинает реставрировать старый портрет и находит под слоем краски лицо незнакомца — мужчины с серыми

глазами. Она прячет холст и начинает задавать вопросы.

Глава 4. Дизайн человека

Званный ужин в честь окончания проекта. Среди гостей появляется Лев — частный детектив, который смотрит на Алису не как на жену архитектора, а как на картину. Максим напряжён.

Глава 5. Стекланный потолок

Алиса просыпается от кошмара, находит в кабинете Максима старый билет в Милан и имя «София» на обороте. Её мир начинает трещать по швам.

Часть II. Трещина

Глава 6. Теория хаоса

Лев приходит в мастерскую Алисы, опрокидывает растворитель на стол и показывает ей выцарапанную надпись: «София. Прощай. Ты была права. Я не тот, за кого себя выдаю». Алиса заморожена.

Глава 7. Яблоко и пламя

Максим находит книгу, которую Лев подарил Алисе. Между ними вспыхивает первый скандал. Алиса впервые не подчиняется мужу.

Глава 8. Запах дождя

Гроза. Алиса и Лев встречаются в парке, прячутся от ливня в беседке. Он касается её лица. Она узнаёт правду о брате.

Глава 9. Третий лишний

Алиса пытается быть близкой с Максимом, но видит перед глазами лицо Льва. Холод между супругами нарастает. Она находит письма матери.

Глава 10. Пепел Милана

Алиса находит в ноутбуке Максима письма-угрозы от Софии и письма Дениса. Она понимает, что муж убил её брата.

Глава 11. Нулевой километр

Алиса приходит к Льву. Первая ночь страсти. Но пока она спит, Лев снимает отпечаток её пальца и копирует переписку. Холодный расчёт.

Часть III. Точка невозврата

Глава 12. Красный свет

Алиса убегает от Льва на рассвете. Максим разгоняется по новому мосту. Его подрезают. Взрыв. Мост рушится.

Глава 13. Тишина в трубке

Алиса видит 45 пропущенных. Звонок от полиции. Запах больницы. Врач говорит: «Состояние стабильно тяжёлое. Время покажет».

Глава 14. Койка номер 7

Алиса дни напролёт сидит у койки Максима. Лев исчезает. Появляется Антон — учитель географии, который слушает её рассказы и не давит.

Глава 15. Конверт от неизвестного

Ночью палату Максима посещает странный мужчина. Он оставляет конверт. Утром Алиса находит фотографию Дениса — мужчины, похожего на неё как две капли воды.

Глава 16. Портфель с секретом

Алиса едет домой за вещами Максима. В его портфеле она находит папку с отчётом частного детектива, фотографиями и доказательствами убийства.

Глава 17. Чужое лицо

Алиса смотрит в зеркало и понимает, что на фото из Милана — не она. У неё есть брат-двойняшка. Он мёртв. Она находит письма матери и узнаёт правду о своей семье.

Глава 18. Свидетель

Алиса находит свидетеля — соседку Софии, которая видела, как Максим выбегал из дома в день смерти Дениса.

Часть IV. Лабиринт лжи

Глава 19. Явка с повинной сердца

Максим приходит в себя. Он признаётся Алисе во всём: «Я испугался, что ты уйдёшь к брату. Я убил его. Прости».

Глава 20. Признание Льва

Лев врывается в палату с ордером на арест. Алиса бьёт его кулаками. Он признаётся, что работал на её мать, но использовал её телефон.

Глава 21. Суд над иллюзией

Максим даёт показания в стеклянной клетке. Он признаётся в убийстве, шантаже и корыстном браке. Алиса видит монстра, а не мужа.

Глава 22. Последнее письмо

В камере Максим пишет Алисе письмо: «Я хотел твоих денег, но потом полюбил». Она понимает, что он мог выбрать любовь, но выбрал корысть и убийство.

Глава 23. Сжигая мосты

Алиса сжигает свадебный альбом, билет и кольцо в доме бабушки. Она звонит матери и говорит, что приедет.

Глава 24. Два шага навстречу

Алиса прилетает в Милан. Она встречает мать, обнимает её и говорит: «Я прощаю тебя за всё». Они начинают строить

новую семью.

Часть V. Соль моря и новый вдох

Глава 25. Город, которого нет на карте

Алиса переезжает в Португалию. Она снимает дом на скале, рисует, дышит морем и ждёт Антона. Начинается новая жизнь.

Глава 26. Чай с молоком

Антон приезжает к ней. Они сидят на веранде, пьют чай с молоком и говорят о доверии. Алиса боится, но хочет попробовать.

Глава 27. Первый шаг

Алиса делает шаг навстречу — она целует Антона и говорит: «Я люблю тебя». Страх внутри неё начинает таять.

Глава 28. Экзамен на прочность

Антон попадает в шторм на старой лодке. Алиса бросается в воду и спасает его. Она понимает, что больше не боится потерять.

Глава 29. Утро без будильника

Алиса просыпается в доме у моря. Антон заваривает кофе. Она говорит, что ей снилось, как они летят над океаном. Он отвечает: «Тогда летим. Я с тобой». Финал. Она рисует

НОВЫЙ ДЕНЬ.

ЧАСТЬ I. ИДЕАЛЬНЫЙ ШТИЛЬ

Глава 1. Две чашки кофе

Кофе в этой квартире пах всегда одинаково — горьковатым дымком, смешанным с ванилью. Алиса сама придумала этот рецепт четыре года назад, когда они только переехали в эту квартиру с высокими потолками и панорамными окнами на набережную. Она добавляла щепотку молотой корицы в турку и каплю экстракта ванили в чашку перед тем, как залить кипятком. Максим сначала морщился, говорил, что это "не мужской" кофе, но потом привык. Теперь он даже не замечал вкуса. Он просто пил. Как пил её улыбку по утрам — автоматически, не всматриваясь.

— Тебе опять снился мост? — спросила Алиса, ставя перед ним керамическую чашку. Голубая. С трещинкой на ободке, которую они не выкидывали, потому что "у вещей должна быть душа".

Максим поднял глаза от планшета. Бритый, свежий, в идеально отглаженной рубашке цвета слоновой кости. Архитектор. Строитель мостов. Человек, который соединял берега, но который, кажется, совсем забыл, как соединяются люди. Его взгляд был расфокусированным, будто он всё ещё витал где-то в чертежах, в бетонных конструкциях и стальных тросах.

— Да, — кивнул он, принимая чашку. — Я стоял на се-

редине пролёта. Арка должна была сомкнуться, но её кто-то тянул вниз. Вода была чёрной. Мне было холодно.

— Мрачный сон, — Алиса села напротив, сложив руки вокруг своей чашки. Белая, без трещин. Она всегда брала белую. Чтобы чувствовать себя чистым листом.

— Просто рабочие моменты, — усмехнулся Максим, делая глоток. — Я на днях смотрел отчёты по нагрузкам на опоры. Вот мозг и переваривает.

Алиса внимательно посмотрела на него. Десять лет брака. Десять лет она изучала его лицо, как старую картину, на которой, казалось, видно каждый мазок. Но сегодня в его глазах было что-то новое. Что-то колючее, что она не могла идентифицировать. Тень. Лёгкая, как мышьяная серая краска, которую она использовала для подмалёвков.

— А у меня сегодня было странное утро — сказала она, не отводя взгляда. — Я проснулась в три часа оттого, что мне показалось, будто кто-то ходит по коридору. Шаги. Но потом — тишина.

Максим на мгновение замер. Чашка зависла у его губ. Он опустил её на стол слишком резко, и кофе плеснулся на блюдо.

— Шаги? — переспросил он. Голос чуть дрогнул. — Может, соседи сверху?

— Соседи сверху спят. Они всегда спят в три часа. — Алиса покачала головой. — Я встала, проверила замки. Дверь была закрыта. На кухне горел свет. Ты его забыл вы-

ключить.

— Я? — Максим непонимающе нахмурился. — Странно. Я точно выключал.

Повисла пауза. Она длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы кофе остыл на один градус. Алиса почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Она не знала почему. Всё было как обычно. Ровно. Гладко. Идеально.

Она перевела взгляд на край стола, где лежала стопка почты, которую она не разобрала вчера. Среди счетов и рекламных буклетов выделялся один конверт — плотный, кремовый, без обратного адреса. Она взяла его в руки.

— Это тебе — сказала она, протягивая конверт Максиму. — Не знаю, кто прислал. Без марки. Просто бросили в ящик.

Максим взял конверт так, будто тот мог взорваться. Его пальцы на мгновение дрогнули, но он быстро справился с собой. Сделал вид, что открывает его равнодушно. Внутри лежала фотография.

Алиса мельком увидела на фото женщину и мужчину. Она заметила, как побледнело лицо мужа. Как побелели костяшки пальцев, сжимающих снимок.

— Макс? — позвала она. — Что там?

Он резко сунул фотографию в карман пиджака, который висел на спинке стула.

— Ерунда. Какая-то рекламная рассылка. Хотят продать мне участок в пригороде. — Он улыбнулся. Но улыбка не коснулась глаз. Она осталась где-то в нижней половине лица,

словно механическая, нарисованная. — Давай, доедай тост, я подвезу тебя до мастерской.

Алиса не шевелилась. Она чувствовала, как воздух в квартире стал тягучим, как мёд на морозе. Что-то было не так. Что-то было не так уже очень давно, просто она привыкла не замечать. Как не замечала трещинку на своей голубой чашке, пока однажды утром не обожгла пальцы, потому что горячий кофе просочился сквозь неё.

— Макс, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Почему от тебя пахнет духами? Не моими.

Он моргнул. Один раз. Два.

— Я вчера был на совещании с заказчицей. Виолетта Львовна. Она вся заливается этими духами, как чайный пакетик. За час проникло в пиджак.

— Виолетта Львовна, — повторила Алиса. — Та, у которой красная машина и три развода за спиной?

— Она изменила парфюм. Стала пахнуть моложе, — Максим пожал плечами и встал из-за стола. Его стул скрипнул по паркету. — Собирайся. Опоздаешь на реставрацию.

Алиса посмотрела в окно. Небо было серым. Свинцовым. Готовым разразиться грозой, хотя синоптики обещали солнце. Она знала этот тип погоды. Это когда воздух становится электрическим, и каждое прикосновение может ударить током.

Она взяла свою белую чашку и убрала в раковину. Чистая. Идеальная. Без трещин. И в этот момент, когда она ставила

её в сушку, её пальцы зацепились за край раковины, и чашка выскользнула.

Звон разбитого фарфора прозвучал как выстрел в тихой комнате.

— Чёрт, — выдохнула Алиса, глядя на осколки белого цвета на кафельном полу. Белый — это всегда ложь. Белый не бывает чистым долго.

Максим обернулся с порога. В его глазах промелькнуло что-то странное. Не раздражение. Не удивление. Облегчение. Она отчётливо увидела облегчение. Будто разбитая чашка отвлекла его от чего-то более страшного. Будто он был рад, что она занята осколками, а не его глазами.

— Оставь, — сказал он. — Вечером уберём. Пойдём, я опоздаю.

Она поднялась с колен, оставляя белую пыль на ладонях. Подошла к нему, поцеловала в щёку. Он пах духами. Не её. Чужими. И ещё — странной, горьковатой нотой, которую она не могла узнать.

Лимон? Или это был запах страха?

— Хорошего дня — сказала она. — Я доберусь сама, езжай...

— И тебе, — ответил он. И вышел за дверь, оставляя за собой шлейф чужого парфюма и невысказанных слов.

Алиса осталась одна в идеальной квартире с высокими потолками и панорамными окнами. В трёхкомнатной квартире с дизайнерским ремонтом и двумя ванными комнатами,

в которой всё было продумано до мелочей. Кроме одного. Кроме правды.

Она подошла к окну и посмотрела, как серая машина Максима выезжает с парковки. Стекло было холодным, как лёд.

И в этот момент, стоя у окна в собственной гостиной, Алиса вдруг поняла:

Она не знает человека, с которым живёт уже десять лет.

И это знание пришло к ней не как откровение. Не как молния. А как тихий, нудный звон разбитой чашки, который всё ещё звенел где-то в глубине квартиры.

Она убрала осколки. Каждый. До последнего. И когда её рука коснулась дна мусорного ведра, она нащупала что-то ещё. Маленький обрывок бумаги. Она вытащила его и расправила.

Это был клочок фотографии. Той самой, которую Максим сунул в карман. Край разорванной карточки. И на этом крае была женская рука. С длинными пальцами и кольцом на безымянном пальце. Точно таким же, как у Алисы.

Только кольцо было не белое. Оно было чёрное.

Чёрный ободок на фотографии.

Алиса замерла. Сердце пропустило один удар.

Она медленно развернула бумажку. На обратной стороне было написано — рукой, которую она не узнавала:

"София...Милан.."

София.

Не Алиса.

Милан.

Не её город.

Она замерла у мусорного ведра, сжимая этот клочок в пальцах, и чувствовала, как мир вокруг начинает трещать по швам. Как старый холст, на который упал растворитель. Слой за слоем сползала идеальная краска, обнажая тёмное, липкое, настоящее.

За окном гроыхнуло. Первая капля упала на стекло.

Гроза начиналась.

Глава 2. Мост в никуда

Офис Максима находился на двадцать третьем этаже стеклянной башни. Сюда, в этот стерильный простор, пахнущий маркером для досок и дорогим парфюмом его секретарши, Алиса заходила редко. Ей казалось, что здесь слишком много прямых линий и слишком мало тепла. Даже солнце, пробиваясь сквозь панорамные окна, становилось здесь холодным, геометрическим, лишённым жизни.

Но сегодня Максим настоял. Он сказал: *«Хочу, чтобы ты увидела это первой. Пока это только на бумаге»*. И в его голосе, когда он произносил эти слова, звучала почти детская гордость. Почти искренняя.

Она вошла в кабинет в пять минут шестого — ровно в назначенное время. Максим стоял спиной к ней, разглядывая огромный ватман, прикреплённый к мольберту. Его пальцы касались края чертежа так нежно, как её пальцы касались

холста в мастерской. Как будто он не архитектор, а скульптор, который пытается вылепить душу из камня.

— Я закрыла дверь, — тихо сказала Алиса, присаживаясь на край дорогого кожаного кресла, стоящего напротив стола. — Ты обещал мне ужин. А позвал меня сюда.

Максим обернулся. На его лице сияла улыбка — живая, тёплая, какую он редко позволял себе в последние несколько месяцев. В руке он держал тонкий, почти невесомый маркер.

— Ужин будет, — пообещал он, подходя к ней. — Но сначала — смотри.

Он взял её за руку, помог подняться и подвёл к мольберту. Алиса затаила дыхание.

Чертеж был огромен — метра полтора в высоту, почти как она сама. И на нём, словно парящая в воздухе радуга, был изображён мост. Но мост необычный. Вместо прямых, утилитарных линий, его фермы изгибались волнами, как огромные крылья чайки, готовой взлететь. Две арки не соединялись в центре. Они расходились в стороны, оставляя между собой просвет, в котором, если присмотреться, угадывался силуэт сердца.

— Это же... — прошептала Алиса, проведя пальцем над чертежом, не касаясь ватмана. Она боялась испортить. — Это не мост. Макс, это... это архитектурный оргазм.

Максим рассмеялся — громко, искренне, и его смех отразился от стеклянных стен кабинета звоном сотен маленьких колокольчиков.

— Более того, — сказал он, вставая сзади и обнимая её за плечи. Его подбородок коснулся её макушки. — Это "Арка желаний". Видишь эти разрывы в центре? Согласно легенде, если два человека встанут по разные стороны моста и одновременно загадают желание о вечности, то арки сомкнутся. И они будут вместе навсегда.

Алиса обернулась. Она посмотрела ему в глаза — близко, так близко, что видела отражение чертежа в его зрачках.

— Но это же несерьёзно, — тихо сказала она. — Мосты строят не для легенд. Их строят для людей.

— А я и строю для людей, — ответил Максим. Его голос стал глубже, почти вкрадчивым. Он повернул её лицо к себе за подбородок. — Я строю для них надежду. Возможность верить, что можно соединить два берега. Две судьбы. Что можно быть вечным.

Он смотрел на неё так, будто она была центром его вселенной. И в этот момент, стоя в стеклянном кабинете, залитая искусственным светом, Алиса чувствовала себя самой счастливой женщиной на планете.

— Пока мы строим, мы вечны — произнёс он, наклоняясь к её уху. — Ты слышишь? Мы. Вечны.

Алиса закрыла глаза. Она слышала стук его сердца — ровный, спокойный. Она вдыхала его запах — уже не чужой парфюм, а свой, привычный, смешанный с бумагой и графитом. Она верила ему. Как всегда.

— Когда торжественное открытие? — спросила она, что-

бы отвлечься от странного комка в горле, который вдруг возник ниоткуда.

— Через полгода, — ответил Максим. — Ты будешь там. Первой. Как жена главного архитектора и как муза.

Он сделал шаг назад и снова повернулся к чертежу. Взял маркер и быстрым, уверенным движением провёл линию, завершающую одну из арок. Линия легла легко, свободно, почти небрежно. Как будто он рисовал её тысячи раз во сне.

— Знаешь, — сказал он, не оборачиваясь, — когда мы начинали строить этот проект, я думал, что это будет очередной заказ. Ещё один мост. Ещё одна цифра в портфолио. Но потом... — он запнулся, — потом я понял, что строю его для тебя.

— Для меня? — Алиса удивлённо подняла брови. — Зачем?

Максим развернулся к ней. На его лице снова была та улыбка — живая, почти мальчишеская.

— Чтобы мы могли смотреть на него и помнить, что мы строили его вместе. Даже когда я чертил эти линии по ночам, я представлял твои руки. Вот здесь, — он показал на изогнутую опору, — я думал о твоих пальцах, которые водят кистью по холсту. А здесь, — он перевёл маркер в середину, в сердце, которое образовали две расходящиеся арки, — здесь я думал о тебе. О нас.

Алиса подошла к нему, обняла со спины, прижалась щекой к его лопаткам. Сквозь тонкую ткань рубашки она чув-

ствовала тепло его тела, упругость мышц. От него пахло кофе и ещё чем-то сладким, почти неуловимым.

— Ты сентиментальный, — прошептала она. — Вчера забыл выключить свет на кухне, а сегодня — мосты для меня.

— Я всё делаю для тебя, — ответил он, не поворачиваясь. — Ты же знаешь.

Алиса сжала объятия чуть крепче. Ей хотелось верить, что это правда. Что этот мост — действительно символ их вечности. Что все трещинки, которые она заметила утром — разбитая чашка, фотография, странный обрывок с надписью про Софию и Милан — просто игра воображения. Ей хотелось верить, что он не лжёт.

Но где-то глубоко, в той части сознания, которую она прятала под слоями идеальной жизни, тикал маленький будильник. Очень тихий. Но настойчивый.

— Макс, — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто такая София?

Рука Максима, держащая маркер, дрогнула. Всего на долю секунды. Но Алиса, стоящая сзади, прижатая к нему, почувствовала эту дрожь, как электрический разряд.

Максим обернулся. Его лицо осталось спокойным, но в глазах на мгновение зажглись и погасли какие-то тени. Искры, которые он погасил волевым усилием. Как выключают свет.

— София? — переспросил он, и голос его был ровным, почти скучающим. — Это одна из потенциальных инвесто-

ров. Из Италии. Хочет вложиться в проект. Я говорил тебе о ней. Ну, вчера, кажется.

— Вчера ты говорил о Виолетте Львовне, — заметила Алиса, не снимая рук с его талии.

— Виолетта — внутренний инвестор. София — внешний. Из Милана.

Слова "из Милана" упали в тишину кабинета, как тяжёлые камни на дно колодца. Алиса почувствовала, как её руки на его талии стали чуть холоднее.

— А она... — Алиса запнулась. Она не знала, что спрашивать. Не знала, готова ли услышать ответ. — Она приезжала вчера на совещание?

Максим на секунду замер. Потом его рука, свободная от маркера, мягко коснулась её кисти, сжимающей его пояс. Он сжал её пальцы.

— Приезжала, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Утром. Мы обсуждали контракт. Это длилось недолго. Потом я уехал домой, и мы ужинали. Ты делала пасту с креветками. Помнишь?

— Помню, — кивнула Алиса. Она действительно помнила ужин. Помнила, как Максим был рассеян, как его телефон постоянно вибрировал, и он отключал уведомления, даже не глядя в экран. Помнила, как он сказал, что это "работа".

— Тебе не о чем волноваться — произнёс Максим, и его голос стал тёплым, обволакивающим. Он притянул её к себе, поцеловал в лоб. — Мы строим этот мост. Мы. Вместе.

София — просто деньги. Ты — моя жизнь.

Алиса закрыла глаза. Она слышала его сердце. Оно стучало ровно, спокойно. Без малейшего намёка на волнение.

И в этот момент она поверила ему. Верила до самого конца. До последнего слоя краски на холсте, до последней трещинки в чашке, до последнего вздоха, который ей предстояло сделать.

— Я тебе верю, — прошептала она.

И Максим улыбнулся. Улыбка была идеальной, как его чертежи. Ни одной лишней линии. Ни одной тени. Только свет и ровный, спокойный блеск в глазах.

— Пойдём, — сказал он, отрываясь от мольберта. — Я обещал тебе ужин. Пойдём в тот ресторанчик, где мы познакомились.

— Но мне нужно в мастерскую, — запротестовала она. — Там заказчица, она ждёт.

— Отмени. — Он улыбнулся. — Сегодня только мы. Мост. И наша вечность.

Алиса вздохнула. Она взяла его протянутую руку и сжала её в ответ. Пальцы были тёплыми, сухими, уверенными.

Они вышли из офиса, оставляя за спиной чертёж с расходящимися арками. Мост "Арка желаний" остался висеть на мольберте. Сиротливо, одиноко. Как и любая ложь, которая слишком долго пытается казаться правдой.

В коридоре, проходя мимо стола секретарши, Алиса заметила открытый ноутбук. На экране горела почта. Входящее

письмо от отправителя с адресом "*s.milano@...*". Тема письма: "*Максим. Мост. Мы ждём*".

Алиса замерла на мгновение, но Максим потянул её вперёд, увлекая за собой.

— О чём задумалась? — спросил он, бросая взгляд через плечо.

— Ни о чём, — ответила она, улыбнувшись. — Просто... ты такой красивый сегодня.

И она пошла за ним. Как всегда. Как верная жена, которая верит своему мужу. Даже когда подсознание кричит о том, что в чертежах этого моста есть одна крошечная, незаметная трещина.

Трещина по имени София.

Но Максим был прав в одном: пока мы строим, мы вечны. И Алиса хотела быть вечной с ним. Пусть даже эта вечность строилась на песке, который вот-вот должен был размыть первой волной правды.

Они вышли из стеклянной башни. Снаружи всё ещё шёл дождь, но Максим раскрыл зонт и прикрыл её плечи от капель. Как всегда. Идеально.

И Алиса закрыла глаза, вдыхая запах мокрого асфальта и его одеколona.

Она даже не заметила, как её пальцы разжались, и маленький обрывок бумаги с надписью "*София... Милан*" выпал из её кармана и улетел в лужу, намокая, превращаясь в бесформенное серое пятно, которое больше никогда нельзя будет

прочитать.

Глава 3. Холст, который молчит

Утро следующего дня.

Алиса проснулась с тяжёлой головой. Ужин в ресторане прошёл идеально — Максим был внимателен, заказывал её любимое вино, говорил о будущем, о мосте, об их вечности. Но внутри неё застрял тот самый осколок — фотография, обрывок бумаги с именем София, странный холод в глазах мужа, когда она спросила про неё.

Она не спала почти всю ночь. Лежала рядом с ним, слушала его ровное дыхание и пыталась соединить кусочки пазла. Не получалось.

Утром Максим уехал на стройку раньше обычного — поцеловал её в лоб, сказал, что будут проверять сваи, и исчез. Алиса осталась одна в идеальной квартире, где каждая вещь стояла на своём месте. Кроме её мыслей.

Она собралась быстро. Надела старые джинсы, удобную футболку, завязала волосы в хвост. Сегодня она должна была приступить к реставрации нового портрета — его привезли вчера, пока она была в офисе у Максима. Хозяйка антикварной лавки, пожилая дама по имени Галина Петровна, сказала, что картина досталась ей от бабушки, а той — от прабабушки. Портрет женщины 1780-х годов. Тёмный, почти чёрный от копоти, но если приглядеться — чувствуется рука мастера.

Алиса приехала в мастерскую около десяти утра. Дождь,

который шёл весь вчерашний день, наконец прекратился, и солнце пробивалось сквозь мокрые крыши, заливая мансарду мягким золотистым светом.

Она поставила чайник, заварила зелёный чай с жасмином — свой ритуал перед началом работы — и села перед мольбертом.

Портрет стоял там, где его оставили вчера. Прикрытый белой тканью.

Алиса сделала глоток чая, поставила чашку на стол и медленно, почти торжественно, сняла ткань.

— Здравствуй, — прошептала она, глядя на тёмный силуэт.

Женщина в платье с высокой причёской. Жемчужное кольцо. Строгое, почти надменное лицо, скрытое слоем копоти и старого лака. Она казалась неприступной, как королева, которая не желает говорить с простолюдинкой.

Но Алиса знала: каждая картина говорит. Надо только уметь слушать.

Она надела тонкие хлопковые перчатки, взяла скальпель с рукояткой из чёрного дерева и флакон с мягким растворителем. Первый слой — лак, самый старый, почти чёрный. Она нанесла растворитель на небольшой участок в правом верхнем углу и начала аккуратно, миллиметр за миллиметром, счищать его.

Под лаком открылась краска. Необычного цвета — изумрудно-зелёная, почти ядовитая. Такой цвет не использова-

ли в 18-м веке. Слишком яркий, слишком современный.

— Странно, — прошептала Алиса, наклоняясь ближе. — Почерк не тот. И техника не та.

Она осторожно, почти невесомо, провела мягкой кистью по зелёному слою. Он отслаивался легко, как старая кожа. Как будто кто-то специально положил его сверху, чтобы скрыть то, что было под ним.

И тогда она увидела.

Под слоем зелёной краски проступали контуры. Не женские. Мужские. Широкое плечо, сильная рука, край простой рубашки с открытым воротом. И лицо.

Алиса замерла. Дыхание перехватило.

Серые глаза. Почти прозрачные, с тёмной каймой. Жёсткая линия скул, чуть прищуренный взгляд. Губы, сложенные в спокойную, даже надменную полуулыбку. Лицо было незнакомым, но... казалось родным. В нём было что-то, что заставляло сердце биться быстрее. Не от страха. От недоумения.

Она знала это лицо. Она видела его накануне — на фотографии, которую Максим сунул в карман. Там, на снимке, мужчина обнимал женщину, похожую на неё. Женщину с чёрным кольцом на пальце.

Это был тот самый мужчина.

Но что это лицо делает на портрете 18-го века? Как человек из 21-го века оказался на холсте, которому больше двухсот лет?

— Этого не может быть, — прошептала Алиса, отшатываясь.

Она почувствовала, как комната поплыла перед глазами. Схватила за край стола, чтобы не упасть. Сердце колотилось где-то в горле.

— Не может быть, — повторила она громче, будто пытаясь убедить себя.

Но глаза на портрете смотрели на неё. Живые, пронзительные. Они будто говорили: "Посмотри на меня. Ты знаешь меня. Ты просто забыла".

Алиса подошла ближе, внимательно вглядываясь в детали. Мужчина на портрете был одет не в стиле 18-го века. Под слоем зелёной краски проступала простая светлая рубашка, воротник расстёгнут, видна ключица. Волосы короткие, современные. На шее — тонкий кожаный шнурок с кулоном. Какой-то символ. Алиса наклонилась ближе. Кулон имел форму двух переплетённых букв — "А" и "S".

Алиса и... София?

Или что-то другое?

Она выпрямилась, чувствуя, как в груди нарастает холод. Она посмотрела на свою руку, на обручальное кольцо. Белое золото, простое, элегантное. Она вдруг подумала: а что, если у неё есть двойняшка? Сестра, о которой она не знала? Та, которую называли Софией?

Но зачем Максиму хранить фотографию, где её сестра обнимает незнакомца? И как этот незнакомец оказался на ста-

ром портрете?

Она подошла к столу и села. Ноги дрожали. Она налила себе холодного чая, сделала глоток, пытаясь успокоиться.

— Мысль, — прошептала она, массируя виски. — Логическая мысль.

Она начала перебирать факты:

Утром Максим получил конверт с фотографией, на которой женщина, похожая на неё, обнимает незнакомца.

На обрывке бумаги было написано "София..Милан".

На портрете 18-го века под слоем краски скрыто лицо того же мужчины.

На шее у мужчины — кулон с буквами "А" и "S".

Всё это было связано. Но как? И где здесь правда?

Алиса подняла голову и снова посмотрела на портрет. Глаза мужчины смотрели на неё с немым вопросом. И вдруг она заметила кое-что ещё. В левом нижнем углу, почти у самой рамы, виднелась маленькая буква, выцарапанная тонкой иглой.

"S.M."

София Милано? Или... Соболев Максим?

Алиса подошла ближе, присмотрелась. Буквы были выцарапаны не поверх, а под слоем краски. Это означало, что подпись была сделана ДО того, как портрет был дописан. ДО того, как даму нарисовали поверх мужчины.

Но что, если это не подпись художника? Что, если это инициалы того, кто был нарисован снизу? Или того, кто его на-

рисовал?

Она сделала шаг назад, пытаясь охватить взглядом всю картину. Дама 18-го века в платье с жемчужным колье. И под ней — мужчина в современной одежде. Кто-то написал одно поверх другого. Зачем? Чтобы скрыть правду?

Алиса вдруг подумала: а что, если этот портрет — ключ ко всему? Что, если он хранит тайну, которую кто-то очень хотел спрятать?

Она подошла к столу, взяла телефон. Набрала номер Галины Петровны, хозяйки антикварной лавки, которая принесла портрет.

— Алло, Галина Петровна? — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это Алиса. Скажите, пожалуйста, откуда у вас этот портрет? Вы говорили, что он от бабушки?

— Да, милая, — голос в трубке был старым, чуть дребезжащим. — Моя бабушка получила его от своей прабабушки. Она говорила, что портрет был написан в 1780-х годах. Но я не уверена, что это правда. Что-то в нём есть странное. Я долго не хотела его продавать, но решила — пусть реставратор посмотрит. Может, там что-то интересное.

— А вы не знаете, кто на нём изображён? — спросила Алиса. — Имя женщины?

— Нет, милая. Никто не знает. Моя бабушка говорила, что это портрет какой-то графини. Но она никогда не называла имени. Сказала, что это семейная тайна. Мол, "кто найдёт

правду под слоем краски — тот узнает имя".

Алиса почувствовала, как мурашки побежали по коже.
— Спасибо, — сказала она. — Я разберусь.

Она положила трубку и снова посмотрела на портрет.
Правда под слоем краски.

Именно это она и нашла.

Но эта правда была страшнее, чем она могла себе представить.

Она подошла к мольберту, взяла большую чистую простыню и накрыла портрет. Спрятала его. Как будто закрывала ящик Пандоры.

— Я вернусь к тебе завтра, — прошептала она, глядя на белое полотно. — Сегодня я не могу. Мне нужно подумать.

Она вышла из мастерской, спустилась по лестнице и вышла на улицу. Солнце уже стояло высоко, но ей казалось, что вокруг темно. Как будто она шла по краю пропасти.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Максима:

"Любимая, я сегодня задержусь на стройке. Ужинай без меня. Но завтра у нас званый ужин. Придут важные гости. Не забудь. Я хочу тебя кое с кем познакомить".

Алиса прочитала сообщение и почувствовала, как в груди заledenело.

Завтра званый ужин.

"Важные гости".

Может быть, среди них будет София?

Или тот, кто знает правду?

Она убрала телефон и посмотрела на небо. Где-то далеко, над крышами, кружила одинокая птица.

— Завтра, — прошептала она. — Завтра я узнаю правду.

Но она не знала, что завтрашний вечер перевернёт её жизнь окончательно. И что человек, с которым познакомит её Максим, станет для неё тем самым "Львом" — опасным, загадочным, который заставит её сомневаться во всём.

А пока она просто стояла на улице, сжимая телефон в руке, и чувствовала, как мир вокруг неё меняется. Как трещина, которая появилась в идеальной жизни, становится всё больше.

И она не знала, сможет ли когда-нибудь её заклеить.

Глава 4. Дизайн человека

Званный ужин должен был стать триумфом.

Максим планировал его целый месяц. Список гостей, меню, раскладка, даже цветы на столах — всё было выверено до миллиметра, как чертёж его нового моста. Он хотел показать заказчикам, инвесторам и партнёрам, что проект "Арка желаний" — это не просто инженерное решение, а философия. Идея. Жизнь.

Алиса стояла перед зеркалом в спальне и поправляла платье. Тёмно-синее, почти чёрное, с открытыми плечами и длинным рукавом. Она купила его два месяца назад, когда Максим сказал: "Нам нужно произвести впечатление". Тогда она подумала, что это просто ещё один светский вечер. Те-

перь она понимала — это представление. Спектакль. Где она играет роль идеальной жены.

Волосы она уложила в небрежный низкий пучок, из которого выбивались отдельные пряди. Макияж — сдержанный, но выразительный: стрелки, тёмная помада, чуть припудренные скулы. Она смотрела на своё отражение и не узнавала себя. Не потому, что плохо выглядела — она выглядела потрясающе. А потому, что в её собственных глазах было что-то чужое. Тревога.

Рядом стоял Максим — безупречный, в тёмно-сером костюме от итальянского портного, с идеально завязанным галстуком. Он поправлял запонки и улыбался своему отражению.

— Ты прекрасна — сказал он, не глядя на неё. — Сегодня вечером ты затмишь всех.

— Я не хочу никого затмевать, — ответила Алиса, поворачиваясь к нему. — Я хочу просто быть.

Максим наконец посмотрел на неё. Его взгляд скользнул по платью, по причёске, задержался на губах. Он наклонился и поцеловал её в уголок губ — аккуратно, чтобы не смазать помаду.

— Ты — моя муза, — прошептал он. — Помни об этом.

Алиса улыбнулась. Но улыбка вышла вымученной. Она снова вспомнила портрет в мастерской. Лицо незнакомца под слоем краски. Инициалы "S.M." в углу. Имя София, которое крутилось в её голове, как заевшая пластинка.

Она пока ничего не сказала Максиму. Не могла. Потому что если бы она спросила его о портрете, о фотографии, о Софии — она бы разрушила эту идеальную жизнь. А она не была готова. Пока нет.

— Пойдём, — сказал Максим, предлагая ей руку. — Гости уже собираются.

Квартира была украшена с размахом. Живые цветы — белые орхидеи и нежные пионы — стояли в каждом углу. Стол ломился от закусок: устрицы, икра, тонкие ломтики пармской ветчины, сыры, фрукты. Бар был уставлен бутылками дорогого вина и шампанского. Хрусталь сверкал в свете десятков свечей, расставленных по всей гостиной.

Гости прибывали постепенно. Сначала бизнес-партнёры с жёнами, накрашенными и надушенными, как куклы. Потом инвесторы — сухие, деловые мужчины в дорогих костюмах. Потом архитекторы, которые работали с Максимом над проектом. Все они улыбались, жали руки, говорили правильные вещи.

Алиса чувствовала себя актрисой в театре. Она улыбалась, кивала, поддерживала светские разговоры. Она помнила, как зовут каждую жену, чем занимаются их мужья, какие у них дети. Максим требовал этого. Он говорил: "Ты — моя визитная карточка. Люди должны видеть, что у меня не просто дом, а настоящая семья. Идеальная семья".

Но Алиса не чувствовала себя идеальной. Она чувствовала себя фальшивкой. Особенно когда смотрела на Максима

и видела, как он меняется в присутствии гостей — становится другим. Более открытым, более живым. Таким, каким она его редко видела наедине.

— Алиса, дорогая, — к ней подошла Виолетта Львовна — та самая, "которая пахнет духами". Высокая, эффектная брюнетка лет пятидесяти, в ярко-красном платье. На её запястьях звенели браслеты, а пальцы были унизаны кольцами. — Как ты прекрасно выглядишь! Максим тебя просто балует. Скажи, это платье откуда?

— Италия, — ответила Алиса, улыбаясь. — Максим привёз из командировки.

— Ах, какие мужчины, — Виолетта театрально вздохнула. — Мои все трое дарили мне только цветы, и то только на восьмое марта. А ты смотри, архитектора заполучила. Строить умеет. И не только мосты, — она подмигнула.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось. Она терпеть не могла эти намёки. Виолетта всегда вела себя так — слишком фамильярно, слишком громко. Максим говорил, что она "безобидная", но Алиса чувствовала в ней опасность. И не только из-за духов.

— Прошу прощения — сказала Алиса, мягко высвобождая руку. — Мне нужно проверить, как там на кухне.

Она направилась к выходу из гостиной, но замерла на пороге.

Входная дверь открылась, и в квартиру вошёл ещё один гость. Невысокий, худощавый, в простом тёмном костюме,

который сидел на нём не идеально, а как-то мешковато. Никаких дорогих аксессуаров. Никаких блестящих запонок. Обычные чёрные туфли, слегка потёртые. Он выглядел не как гость, а как человек, который случайно зашёл не в ту дверь.

Но его глаза...

Алиса замерла.

Глаза у него были необычные — светло-серые, почти прозрачные, с тёмной каймой. Как у человека на портрете. Те же глаза. Те же скулы. Те же очертания лица. Но нет, это был не тот мужчина. Тот был шире в плечах, крупнее. Этот — тоньше, изящнее. Интеллигентнее.

Он оглядел гостиную спокойным, изучающим взглядом. Его руки были спрятаны в карманы брюк, но в том, как он держался, чувствовалась уверенность. Не наглая уверенность богатого человека, а тихая, спокойная уверенность того, кто привык наблюдать.

Максим подошёл к нему и хлопнул по плечу. Слишком громко, слишком фальшиво.

— Лев! — сказал он, и в голосе его прозвучала неестественная радость. — Ты пришёл. Отлично! Проходи, проходи, чувствуй себя как дома.

Лев. Так его звали. Алиса никогда не слышала этого имени раньше.

Лев слегка кивнул и вошёл в гостиную. Его взгляд скользнул по лицам гостей, остановился на Виолетте, которая уже

начала что-то рассказывать о своих разводах, и наконец нашёл Алису. И замер.

Он смотрел на неё так, будто она была картиной. Не экспонатом, который надо оценить, а полотном, в которое надо всмотреться, чтобы увидеть скрытые слои. Он смотрел на неё с интересом, с любопытством, с чем-то ещё — неуловимым, что заставило Алису почувствовать себя неловко.

Он видел её. По-настоящему. Не как жену архитектора. Не как идеальную хозяйку. А как личность. Как женщину. Как человека, у которого есть тайны.

Алиса отвела взгляд первой. Она почувствовала, как щёки заливают румянец. Она не была застенчивой, но этот взгляд... этот взгляд проникал под кожу. Внутрь. Туда, где она прятала свои страхи.

Максим, заметив её замешательство, подошёл и взял её под руку. Его пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно. Болезненно.

— Познакомься, — сказал он, и в голосе его послышалась сталь. — Это Лев. Журналист. Он пишет статью о моём проекте. О мосте.

Лев слегка улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти извиняющейся.

— Максим немного преувеличивает — сказал он, и его голос оказался низким, вкрадчивым. — Я не просто журналист. Я пишу о людях, которые строят необычные вещи. Ваш муж — один из них.

Алиса протянула руку. Лев взял её, но не пожал, как делают все. Он слегка наклонился и коснулся её пальцев губами. Старомодный жест, почти аристократичный. Алиса почувствовала, как тепло его губ обожгло её кожу.

— Очень приятно — сказала она, и голос её чуть дрогнул.

— Взаимно, — ответил Лев, поднимая на неё глаза. — Я много слышал о вас. Максим говорил, что вы реставратор.

— Да, — кивнула Алиса. — Я возвращаю к жизни старые картины.

— Картины, — повторил Лев, и в его голосе послышалось что-то похожее на усмешку. — Интересно. Вы знаете, что любая картина — это застывшее время? То, что когда-то было живым, а теперь стало неподвижным. Но если снять слои краски, можно увидеть правду.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Вы разбираетесь в реставрации? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я разбираюсь в людях, — ответил Лев, глядя ей прямо в глаза. — И в том, что они скрывают.

Максим кашлянул. Громко, резко.

— Лев, — сказал он, и его голос звучал как приказ. — Давай мы обсудим статью завтра в офисе. Сегодня праздник. Отдыхай. Пей вино. Наслаждайся.

Лев отступил на шаг, и его взгляд наконец отпустил Алису. Он слегка поклонился и отошёл к бару, где уже разливали шампанское.

Алиса осталась стоять рядом с Максимом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Кто он? — спросила она шёпотом.

— Журналист, — ответил Максим, и его голос был резким, как удар хлыста. — Просто журналист. Не обращай на него внимания. Он странный, но безобидный.

— Ты напряжён, — заметила Алиса. — Я вижу.

— Я не напряжён, — отрезал Максим. — Просто сегодня важный вечер, и я хочу, чтобы всё прошло идеально.

Он отпустил её руку и отошёл к гостям, оставляя её одну в дверях.

Алиса перевела взгляд на бар. Лев стоял там, держа в руке бокал с шампанским, и смотрел не на неё. На портрет над камином. Там висела их свадебная фотография. Максим и Алиса в день свадьбы, смеющиеся, счастливые, вечные.

Но когда Алиса подошла ближе, она увидела, что Лев смотрит не на неё. Не на Максима. Он смотрел на маленькую деталь, которую она никогда не замечала. На фоне фотографии, на заднем плане, была видна колонна. А на колонне — вырезанное сердце. И внутри сердца — инициалы.

"A.S."

Алиса замерла. Те же буквы, что были на кулоне у мужчины с портрета. И те же — что на её свадебной фотографии.

Она повернулась к Льву, но он уже отошёл к окну и смотрел на ночной город, попивая шампанское.

Алиса сделала глубокий вдох и направилась к нему. Она

не знала, что скажет. Но знала, что должна спросить.

— Вы увидели что-то интересное? — спросила она, подходя к нему.

Лев медленно обернулся. Его глаза снова нашли её лицо.

— Да, — сказал он, и в голосе его звучала странная задумчивость. — Я вижу очень много интересного. Например, что вы носите чужое лицо.

Алиса замерла.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Вы когда-нибудь смотрели на себя в зеркало и чувствовали, что это не вы? — спросил Лев, не сводя с неё глаз. — Что внутри вас кто-то другой?

Алиса почувствовала, как воздух в комнате стал плотным, как мёд.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — сказала она, и её голос дрогнул.

Лев улыбнулся. Не насмешливо, а скорее грустно.

— Я просто заметил, — сказал он, — что у вас очень печальные глаза. Для женщины, у которой есть всё.

Он отставил бокал на подоконник и повернулся к ней.

— Знаете, что я пишу в своих статьях? — спросил он. — Я пишу о том, что люди не те, кем кажутся. И что иногда правда скрывается под слоями краски, как на старом холсте. Вы когда-нибудь задумывались, что скрывает ваш муж?

Алиса молчала. Её сердце колотилось где-то в горле.

— Зачем вы здесь? — спросила она, наконец, собравшись с силами.

— Затем же, зачем и вы, — ответил Лев, глядя на неё в упор. — Ищу правду.

Он развернулся и направился к столу, где уже начинали рассаживаться гости.

Алиса осталась стоять у окна, сжимая в руках пустой бокал. Она чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Как стена, которую она строила годами, начинает давать трещины.

Она повернулась и посмотрела на Максима. Он стоял в центре гостиной и громко смеялся над чьей-то шуткой. Его рука лежала на плече Виолетты Львовны. Чуть дольше, чем стоило. Чуть интимнее, чем позволяли приличия.

Алиса сжала бокал так сильно, что пальцы побелели.

Она знала: этот вечер перевернёт всё. И что человек по имени Лев — не просто журналист. Он — тот, кто покажет ей правду.

Вопрос только: будет ли она готова её увидеть?

Глава 5. Стекланный потолок

Гости разъехались за полночь.

Алиса помнила, как закрывалась дверь за последними гостями — какая-то пара из инвестиционного фонда, муж с женой, оба в одинаково уставших улыбках. Помнила, как Максим захлопнул дверь и прислонился к ней лбом, выды-

хая, будто только что пробежал марафон. Помнила, как он посмотрел на неё и сказал: "Мы справились. Это был идеальный вечер".

Она кивнула. Улыбнулась. Пожелала ему спокойной ночи и пошла в спальню. Всё как всегда. Всё правильно. Всё идеально.

Но она не спала.

Она лежала на спине, глядя в потолок, и слушала дыхание мужа. Ровное, спокойное, безмятежное. Он заснул почти мгновенно — как всегда после таких вечеров. Вымотанный, но довольный. Он даже не спросил её, как она себя чувствует. Не заметил, что она почти ничего не ела. Не заметил, как её руки дрожали, когда она держала бокал с шампанским. Не заметил, что её взгляд всё время возвращался к Льву.

Лев.

Алиса закрыла глаза, и перед ней снова возникло его лицо. Серые глаза с тёмной каймой. Спокойный, изучающий взгляд. И слова, которые он сказал у окна: "Вы носите чужое лицо".

Что это значило? Она не знала. Но эти слова впились ей под кожу, как заноза. Они не давали покоя. Они шептались с ней в темноте.

Она перевернулась на бок, пытаясь уснуть. Всё тщетно. Мысли метались, как птицы в клетке. Портрет. Фотография. Обрывок бумаги. София. И теперь — Лев, который смотрел на неё так, будто знал о ней больше, чем она сама.

Алиса открыла глаза. В комнате было темно, но не полностью. Лунный свет пробивался сквозь тонкие шторы и падал на кровать, рисуя серебристые узоры на одеяле. Она посмотрела на Максима. Он лежал на спине, чуть приоткрыв рот. Во сне он выглядел моложе, беззащитнее. Почти невинным.

— Кто ты? — прошептала она в темноту.

Максим не ответил. Он спал и видел свои сны, в которых, возможно, не было её.

Алиса закрыла глаза и провалилась в сон.

Ей снился мост.

Тот самый, который строил Максим. "Арка желаний". Но во сне он был другим — не из бетона и стали, а из стекла. Прозрачный, хрупкий, как мыльный пузырь. Она стояла на середине, босиком, чувствуя холод стекла под ногами. Вокруг не было ничего — ни неба, ни воды, ни земли. Только бесконечная пустота, и она — одна, посреди этого стеклянного моста.

Она начала идти. Осторожно, боясь поскользнуться. Каждый шаг отзывался эхом, как будто под ногами была бездна. Она шла вперёд, пытаясь добраться до другого берега. Но мост всё тянулся и тянулся, не приближая её к цели.

И вдруг она увидела его.

На другом конце моста стоял человек. Она не видела его лица — только силуэт, размытый туманом. Но она знала, что это он. Тот, с фотографии. Тот, с портрета.

Он стоял молча. Просто смотрел на неё. И в его взгляде

не было ничего — ни любви, ни ненависти, ни сожаления. Только пустота. Такая же, как под её ногами.

Алиса хотела закричать, но не могла. Хотела побежать, но ноги приросли к стеклу. Хотела спросить: "Кто ты? Что тебе нужно? Почему ты здесь?" — но её голос исчез.

И тогда мост начал трескаться.

Медленно, с противным скрежетом, по стеклу пошли трещины. Они расходились от центра, как паутина, разрывая идеальную поверхность. Алиса чувствовала, как вибрация передаётся через ступни. Она смотрела на человека на другом конце, и он... он просто стоял и смотрел, как она падает.

— Нет! — наконец вырвалось у неё.

Она упала.

Но она не ударилась о воду или землю. Она просто провалилась сквозь стекло, и вокруг неё была только тьма. Густая, липкая, абсолютная.

И в этой тьме она услышала голос. Чужой, но знакомый.

"Ты не та, за кого себя выдаёшь".

Алиса открыла глаза.

Она сидела на кровати, тяжело дыша. Её тело было мокрым от пота. Ночная рубашка прилипла к спине, волосы липли ко лбу. Сердце колотилось где-то в горле, как пойманная птица.

Она перевела взгляд на часы. 3:47 ночи.

Максим спал. Он даже не пошевелился.

Алиса медленно поднялась с постели, ступая босиком по

холодному паркету. Ноги дрожали. Она подошла к двери и вышла в коридор.

В квартире было тихо. Только холодильник гудел на кухне, да где-то внизу, в соседней квартире, тикали часы. Луна светила в окна, заливая коридор серебристым светом, и тени от комнатных растений казались живыми.

Она пошла по коридору. Куда — она не знала. Просто шла, стараясь успокоить дыхание.

И оказалась у кабинета Максима.

Дверь была приоткрыта. Это было странно — Максим всегда закрывал кабинет. Он говорил, что там "конфиденциальные документы". Она никогда не заходила туда без спроса. Ей казалось, что это личное пространство мужа, и она уважала его границы.

Но сегодня ночью, в три пятьдесят утра, она толкнула дверь.

Кабинет был залит лунным светом. Массивный дубовый стол, кожаное кресло, стеллажи с книгами и чертежами. Здесь пахло дорогим табаком и бумагой. Всё выглядело строго, выверено, по-мужски.

Алиса подошла к столу. Её руки дрожали. Она не знала, что ищет. Может быть, ничего. Может, она просто хотела убедиться, что всё в порядке. Что все её страхи — просто игра воображения.

Но когда она открыла верхний ящик стола, она поняла, что не ошиблась.

Там, под стопкой бумаг, лежал билет.

Старый, пожелтевший, с загнутыми краями. Алиса взяла его в руки дрожащими пальцами. Ей не нужно было включать свет — лунный свет был достаточно ярким, чтобы прочитать текст.

"Авиакомпания Alitalia. Рейс SU 241. Москва — Милан. 15 мая, 2023 года."

Она замерла. Дата. Три года назад.

Ровно тот год, когда Максим якобы был в командировке в Милане. Когда он "изменил ей" и потом плакал, признаваясь в этом. Когда она простила его, решив, что их любовь сильнее ошибок.

Но билет был на одно лицо.

Только на Максима.

Он был в Милане один.

Алиса перевела дыхание. Сердце снова начало колотиться. Она перевернула билет. На обратной стороне, тонкой синей ручкой, было написано имя.

"София".

Только имя. Без фамилии. Без подписи. Просто "София". И маленькая буква "А" в углу, как будто женщина оставила свою инициал.

Алиса почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она оперлась на стол, чтобы не упасть. Билет выпал из рук и упал на ковёр.

— София, — прошептала она. — Кто ты?

Ответа не было. Только тишина и лунный свет.

Алиса наклонилась, подняла билет и положила его обратно в ящик. Тихо, аккуратно. Туда же, где он лежал. Как будто ничего не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.